

Плешко Андрей Олегович

**ПОЛИТИКА УИНСТОНА С. ЧЕРЧИЛЛЯ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В 1918-1919 ГГ.:
ПРОДВИЖЕНИЕ ИДЕИ АКТИВНОЙ ПОДДЕРЖКИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ И
ИНТЕРВЕНЦИИ**

В статье освещаются внешнеполитические взгляды У. Черчилля в отношении советской России в 1918-1919 гг., уделяется особое внимание времени начала активной интервенции союзных государств. Анализируется роль мятежа Чехословацкого корпуса в продвижении У. Черчиллем политики поддержки антибольшевистских сил в России. Исследование содержит авторский перевод и подробный хронологический анализ ранее не опубликованных в России личных документов из архива У. Черчилля.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/30.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 128-133. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Рассуждения А. Т. Болотова вписываются в общую магистральную линию развития русской философии [5]. «В новое время философия становится необходимой частью светской культуры. Она выделяется как вид культурной работы и институализируется в самых различных формах – от академической кафедры до общественно-философского объединения. Монополия религии в общественной жизни и религиозной философии в мыслях культурных деятелей уходит в прошлое. Теперь она – одно из направлений русской философской жизни, а эта последняя имеет дело со всем спектром идейных построений, характерных для европейской мысли нового времени. Вместе с европейцами и в спорах с ними русские философы движутся от метафизики XVIII века к формам философской мысли начала XX в.» [4, с. 655]. Значительный вклад в этот процесс вносит развитие отечественными мыслителями метафизической проблематики, расширяющей проблемное поле философствования.

Список литературы

1. **Абрамов А. И.** Историография русской философии XVIII века // *Общественная мысль: исследования и публикации.* М.: Наука, 1990. Вып. 2. С. 48-72.
2. **Артемьева Т. В.** «Область дай уму...» // *Мысли о душе. Русская метафизика XVIII в.* СПб.: Наука, 1996. С. 5-75.
3. **Болотов А. Т.** О душах умерших людей. СПб.: Алетейя, 2006. 204 с.
4. **Ермичев А. А.** Имена и сюжеты русской философии. СПб.: Наука, 2014. 712 с.
5. **Ионайтис О. Б., Пенькова Е. А.** А. Т. Болотов – русский философ XVIII в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2014. № 4. Ч. 1. С. 84-87.

METAPHYSICS IN RUSSIA OF THE XVIII CENTURY: A. T. BOLOTOV

Pen'kova Elena Aleksandrovna
Murmansk State Technical University
ya.elenapenkova2013@yandex.ru

The XVIII century in Russia is a century of reforms in philosophy, the period of changing the very structure of philosophy, the emergence and development of new directions in philosophical knowledge. The feature of the era is the fact that metaphysical question takes the central place in philosophical search. Metaphysics in Russia of the XVIII century is closely related to anthropological, ethical, aesthetic problematic. The article considers the basic provisions of the pneumatology of the famous Russian philosopher of the XVIII century A. T. Bolotov in the discourse of native metaphysics.

Key words and phrases: the Russian philosophy of the XVIII century; the Russian metaphysics of the XVIII century; pneumatology; anthropology; A. T. Bolotov.

УДК 94(48).082

Исторические науки и археология

В статье освещаются внешнеполитические взгляды У. Черчилля в отношении советской России в 1918-1919 гг., уделяется особое внимание времени начала активной интервенции союзных государств. Анализируется роль мятежа Чехословацкого корпуса в продвижении У. Черчиллем политики поддержки антибольшевистских сил в России. Исследование содержит авторский перевод и подробный хронологический анализ ранее не опубликованных в России личных документов из архива У. Черчилля.

Ключевые слова и фразы: Уинстон С. Черчилль; Россия; интервенция; Чехословацкий корпус; мятеж; «Оккупационная армия».

Плешко Андрей Олегович

Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова
pleshko.prod@gmail.com

ПОЛИТИКА УИНСТОНА С. ЧЕРЧИЛЛЯ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В 1918-1919 ГГ.: ПРОДВИЖЕНИЕ ИДЕИ АКТИВНОЙ ПОДДЕРЖКИ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ СИЛ И ИНТЕРВЕНЦИИ[©]

После подписания советской Россией Брест-Литовского мирного договора с Германией Мурманский Совет народных депутатов заключил фиктивное соглашение с союзниками о помощи в снабжении [6, с. 36, 37], и 6 марта 1918 г. в Мурманске с борта английского линкора «Глори» высадился отряд английских морских пехотинцев в количестве около 170 человек [2, с. 134] – так началась интервенция союзных войск в России.

Уинстон С. Черчилль в 1917-1918 гг. занимал пост министра военного снабжения Великобритании. Оценивая мирный договор России с Германией, У. Черчилль прогнозировал его негативные последствия – наступление немцев на Западном фронте, а также начинающуюся борьбу белого движения с большевиками.

Главная задача У. Черчилля как министра снабжения заключалась в сохранении того объема военного снаряжения, который союзники поставляли в Россию с 1915 г. Большая часть амуниции хранилась в морских российских северных портах, Мурманске и Архангельске. Великобритания не могла допустить попадания поставляемого в Россию военного снаряжения в руки немцев, оккупировавших Финляндию [6, с. 38], но не было и вполне ясно для министра военного снабжения, можно ли предоставить его большевикам [5, с. 49].

Как выяснилось, опасения поставщиков военного снаряжения относительно опасности захвата складов амуниции немцами либо большевиками были не беспочвенны [9, р. 28]. Именно под предлогом защиты военного снаряжения союзниками были посланы войска в российские порты, где хранилась амуниция. Подобное вторжение войск союзников не имело дипломатической силы как таковой, поэтому для отправки больших сил в Россию нужен был более веский повод.

Еще 23 декабря 1917 г. военные представители Верховного союзного совета постановили, что все национальные войска в России, решившие продолжить войну, должны поддерживаться всеми средствами [5, с. 50]. Британское правительство инициировало переговоры с Японией и Америкой о возможности совместной интервенции в Россию. Япония дала свое согласие на участие в военных мероприятиях, но США отказались от интервенции и выступили против вхождения японцев в состав интервентов. Четыре месяца длились прения между двумя странами. В то же время положение на Западном фронте усложнялось – немцы перебрасывали дополнительные войска с Восточного фронта, натиск на Францию и Бельгию усиливался [Там же].

В своих мемуарах У. Черчилль писал, что в этот момент помощь идее интервенции пришла с неожиданной стороны – от большевистского правительства. 28 марта 1918 г. Л. Д. Троцкий сообщил Б. Локхарту, английскому представителю в Москве, что не возражает против вступления японских войск на территорию России для сопротивления германским войскам. В. И. Ленин также не видел препятствий для японской стороны, но ставил условие полного невмешательства иностранных войск во внутренние дела России. Согласие Москвы было на руку английскому правительству, которое делало все, чтобы получить хотя бы формальное приглашение от советского правительства, а также и самому У. Черчиллю как главному стороннику интервенции [Там же, с. 51].

У. Черчилль отмечал, что формального согласия советского правительства было недостаточно, чтобы привести союзников к практическому соглашению по вопросу интервенции. Решающим фактором в его разрешении стал вспыхнувший 25 мая 1918 г. мятеж Чехословацкого корпуса. Профессор Т. Масарик, президент будущей независимой Чехословакии, просил предоставления помощи чехословацким частям в России со стороны союзных держав, аргументируя свою просьбу тем, что солдаты этого корпуса являются частью союзнической армии наравне с армиями французов и англичан, и чешские отряды подчиняются Верховному союзному совету [Там же, с. 54]. В книге «Черчилль» французский исследователь Ф. Бедарида высказывает предположение, что, возможно, мятеж был спровоцирован британской агентурой, в планы которой был посвящен и У. Черчилль [1, с. 65].

В начале июня 1918 г. Верховный военный совет в Париже принял решение использовать корабли, предназначенные для транспортировки немцев и австрийцев из Китая в Австралию, для перемещения чехов во Францию. Однако Чехословацкий корпус представлял собой довольно внушительную военную силу (насчитывал около 60000 человек) и, конечно же, мог хорошо послужить делу интервенции. Вероятно, ввиду этого обстоятельства, 17 июня 1918 г. У. Черчилль написал письмо Д. Ллойд Джорджу с просьбой не торопиться отправлять чехов, используя корабли, и сначала очистить Китай от немцев [7, р. 326, 327]. Именно такое решение о задержке чехов в России и было принято Верховным советом [6, с. 40].

Развивая идею активной помощи антибольшевистским силам в России, У. Черчилль 22 июня 1918 г. обозначил в секретном меморандуме к кабинету министров свою позицию, говоря о необходимости помощи чехам: «Мы не должны принять отрицательного ответа на вопрос о продолжении военных действий Японией и США. Мы должны управлять событиями, а не пускать их на самотек. Надо ли нам сейчас сомневаться в том, что сейчас, когда чешские дивизионы овладели большей частью Сибирской железнодорожной магистрали, совершенно необходимо приложить хоть какие-то усилия к спасению их от разгрома большевиками? Разве мы не можем предположить, что президент Вильсон расценит спасение чехов как дело чести? Кто может спасти их, кроме японцев? Даже если президент Вильсон не будет действовать, мы должны изыскать средства для действия японцев. Также существует много средств в распоряжении Британской империи...» [17, р. 497].

В результате 2 июля 1918 г. Д. Ллойд Джордж совместно с французским коллегой Ж. Клемансо обратились к американскому президенту В. Вильсону с просьбой о вводе войск в Россию под предлогом поддержки чехословацких батальонов [5, с. 54]. Уже 5 июля 1918 г. Соединенные Штаты сообщили, что дают согласие на совместную интервенцию с британскими, французскими и японскими войсками для оказания помощи Чехословацкому корпусу.

От У. Черчилля теперь требовалось выработать четкую политическую линию в отношении России. В первых числах июля 1918 г. А. Синклер, вскоре ставший военным секретарем У. Черчилля, в своих письмах к будущему шефу дважды упоминал Россию, подчеркивая: «у нас вообще нет никакой политики в отношении к России» [10]. Тем не менее, министр еще довольно долго раздумывал о своей стратегической позиции в отношении России.

Взгляды У. Черчилля на положение в России утверждаются после получения известия о расстреле 17 июля 1918 г. российской императорской семьи: неприятие им большевизма становится буквально патологическим. Вскоре после этого начинается кампания по удержанию Транссибирской железнодорожной магистрали под контролем союзников.

Итак, интервенция войск Антанты началась в марте 1918 г. с высадки в Мурманске, а затем и в Архангельске, английских, французских и американских войск. В апреле 1918 г. на Дальнем Востоке высадились японские войска, вслед за ними во Владивостоке – английские и американские. Вместе с действиями интервентов активизировалось и белое движение. На Северном Кавказе была образована Добровольческая армия под командованием А. И. Деникина, к Царицыну вышли войска П. Н. Краснова, на Урале действовали формирования А. К. Дутова.

Прямо пропорционально укреплению антибольшевистских сил росла и уверенность У. Черчилля в том, что России не стоит считать погибшей и следует проявлять к ней особое внимание. Об этом свидетельствует неотправленное письмо к Д. Ричи от 3 августа 1918 г., которое отражает точку зрения У. Черчилля в отношении России: «Ранее мы... не видели ничего подобного нынешнему жалкому падению конвульсирующей России. Но стоит ли кому-либо считать это концом этой истории? Неясно, возродится ли великая нация России... И надо ли нам впредь строить свою политику и жизнь на предположении о будущей раздавленной России?» [21].

Ясно, что У. Черчилль не собирался отказываться от своих политических планов в отношении России. Мысль о неукоснительном соблюдении взятого курса на поддержку белого движения и чехов была высказана им на заседании военного кабинета 6 сентября 1918 г., в протоколе которого записано: «М-р Черчилль выразил мнение, что мы ни в коем случае не должны утратить союзнический контроль над Транссибирской магистралью» [13, р. 386].

Об опасности, прежде всего для Германии, которую несет в себе большевизм, У. Черчилль заговорил на заседании военного кабинета 10 ноября 1918 г., найдя в этом поддержку премьер-министра Д. Ллойд Джорджа [7, р. 412]. Заявление об опасности большевизма было сделано на следующий день после провозглашения Германии республикой. Днем позже, 11 ноября 1918 г., было подписано перемирие между воюющими сторонами Первой мировой войны.

Оформив свою точку зрения документально в письменной форме, 19 ноября 1918 г. У. Черчилль представил кабинету министров содержательный меморандум, названный им «Неоконченная задача». Из приведенного ниже отрывка следует, что под неоконченной задачей У. Черчилль подразумевал необходимость еще больших усилий, направленных на выработку прочного мира, для чего, по его мнению, требовался ряд политических действий: «Условия в мире в текущий момент трагичны до невозможности. Победенные нации, занимающие большую часть территории Европы и Азии, погружены в анархию, достигая во многих регионах стадии полного разложения общества... Анархия в России означает конвульсии Европы... Быстрыми и ясными должны быть те великие решения, которым суждено наложить четкие пределы разрастающемуся замешательству и жалкому положению побежденных... Те нации, что обнажили свой меч во имя права и правосудия и упорно шли вместе, несмотря на все превратности опасного пути, не пугаясь ни опасности, ни усталости, сейчас возложили на себя перед лицом Провидения ответственность за самое ближайшее будущее всего мира. Теперь они уже не могут сбросить с себя эту ответственность... Теперь, в конце войны, они (*союзники* – А. П.) уже больше не могут бросить Россию на волю судьбы... Британская Империя и США пришли из-за морей и океанов, чтобы спасти Европу от угнетения милитаризмом; не могут они и теперь бросить ее в сумбуре анархии... Мудрая и твердая постановка непростых вопросов перед Германией сможет, в конечном итоге, послужить верным средством освобождения нас от наших обязанностей перед Россией... Решительные действия необходимы... Наш соотечественник заплатил в войне слишком большую цену...» [18, р. 417-421].

Практически сразу после окончания Первой мировой войны в Англии были назначены выборы нового правительства, потому как срок полномочий старого, выбранного еще в 1910 г., давно истек. У. Черчилль тоже участвовал в выборах в своем избирательном округе Данди. И здесь, кроме злободневных речей о дальнейшей судьбе Германии и ее сателлитов, У. Черчилль не упустил возможности озвучить мысль об опасности большевизма [4, с. 172]. Он неоднократно упоминал об этом в письмах и к влиятельным избирателям [7, р. 432, 433], и к рядовым гражданам [Ibidem, р. 435, 436] своего избирательного округа, а затем обсуждал свою избирательную кампанию со своей супругой К. Черчилль [Ibidem, р. 436, 438].

Вскоре утвердился состав нового коалиционного правительства, в котором пост премьер-министра вновь занял Д. Ллойд Джордж. По его инициативе У. Черчиллю был предложен пост главы военного министерства. Примечательно, что немедленно, как только стало известно о мысли премьер-министра отдать пост военного министра У. Черчиллю, последний 29 декабря 1918 г. написал письмо Д. Ллойд Джорджу с просьбой направить его на службу в Адмиралтейство, где, по его мнению, он послужил бы лучше [Ibidem, р. 448]. Однако, 14 января 1919 г. У. Черчилль все же был назначен главой военного ведомства.

Неясно, какими методами борьбы с большевиками У. Черчилль бы руководствовался, находясь во главе Адмиралтейства, но пост военного министра давал ему крайне широкие возможности. Взять хотя бы армию, которая все еще находилась в мобилизованном состоянии. Продолжив претворять свои планы на Россию в жизнь, У. Черчилль, находясь на новом посту, внес предложение о задержке массовой демобилизации английской армии, аргументируя это необходимостью поддержки порядка в Германии, а также в многочисленных колониях: армия нужна была ему для эффективных действий в России.

Проект задержки демобилизации был встречен одобрительно многими британскими военными политиками, такими, как бывший военный министр А. Мильнер [Ibidem, р. 454] и глава имперского генерального штаба Г. Вильсон [Ibidem, р. 450, 451]. Попутно У. Черчилль в письме от 14 января 1919 г. заверил командующего английскими войсками в Архангельске генерала У. Айронсайда и командующего английскими войсками в Мурманске генерала Ч. Мэйнарда в том, что к ним будет проявлено особое внимание и оказана поддержка со стороны военного министра [Ibidem, р. 453, 454].

Проект У. Черчилля по задержке демобилизации английской армии стремительно развивался, о чем свидетельствует сделанное им 15 января 1919 г. заявление перед прессой, в котором британский политик кратко

изложил свою программу: «а) необходимо иметь Оккупационную армию; б) необходима послевоенная добровольческая армия; в) необходимо поддержать наши нынешние силы в России...» [11, р. 454, 455]. Как видим, основное направление политики У. Черчилля осталось прежним – сохранение войск и помощь английским силам в России.

В итоге проект, названный У. Черчиллем «Оккупационная армия», был представлен им 19 января 1919 г. в виде внушительного меморандума военного кабинета. Общее количество воинов этой армии должно было составлять около 1200000 человек, из которых всего лишь 14000 человек отводилось на действия в России. В тексте им было помечено, что силы на Севере России и в Сибири требуют помощи [7, р. 463-467].

Сторонников проекта У. Черчилля становилось все больше, но, по свидетельству начальника генерального штаба Г. Вильсона, против него был активно настроен Д. Ллойд Джордж [Ibidem, р. 478]. Премьер-министр высказывался о невозможности содержания такого количества войск [Ibidem, р. 461] и не раз откладывал обсуждение проекта «Оккупационная армия» [Ibidem, р. 470]. Продвижению идеи У. Черчилля мало способствовали и настроения общества. Задержка демобилизации и перспектива войны в России вызвали волнения в армии, что вскоре заставило военного министра выступить с официальным заявлением, что «Оккупационная армия» вовсе не направлена на сосредоточение сил для новой борьбы [4, с. 178].

Проект «Оккупационная армия» не возымел должного действия и, анализируя документы У. Черчилля, можно сделать вывод, что теперь его взгляд был сконцентрирован на улучшении положения британских войск в России. В письмах к премьер-министру У. Черчилль неоднократно настаивал на помощи экспедиционным войскам для обеспечения их должного существования. Так, в одном из посланий к Д. Ллойд Джорджу, датированном 27 января 1919 г., военный министр отмечал: «Я расстроен военной телеграммой из России. Мы располагаем там очень малыми силами (14 тысяч человек)... Отдельные офицеры и солдаты контролируют большие города и районы, сопротивляясь большевикам, производя впечатление о том, что за ними стоит Британия, в то время как Британия, на деле, давно покинула поле боя... С точки зрения Военного министерства, я категорически против удержания солдат на территории, лишенной транспорта, технической поддержки, врачей, госпитального штата... антибольшевистские российские силы не должны быть внезапно лишены снабжения. Пока они способны эффективно сражаться, мы не должны прекращать снабжения их оружием, припасами и добровольцами...» [19, р. 486-490].

На следующий день, 28 января 1919 г., У. Черчилль выступил на заседании военного кабинета. Согласно протоколу, министр заявил: «...положение наших войск в России самое неудовлетворительное. Вследствие того, что мы имели неопределенную политику, было невозможным послать достаточное количество медицинских работников или... железнодорожников, чтобы позволить нашим войскам уверенно удерживать их завоевания против большевистских армий...» [14, р. 493].

Следует заметить, что истинное состояние британских войск в России не было столь плачевным, и У. Черчилль был об этом прекрасно осведомлен. Однако он не желал, чтобы сносное положение дел становилось достоянием гласности, предпочитая в своей политике тактику запугивания «большевистской угрозой». Вести об успехах британских войск на страницах газет и журналов были ему на тот момент ни к чему, о чем свидетельствует одна из его записей в протоколе заседания военного кабинета от 29 января 1919 г.: «Полковник Уорд (*Дж. Уорд – командующий британскими войсками в Сибири – А. П.*) действует превосходно, но я не думаю, что сейчас необходимо это публиковать...» [17, р. 497].

У. Черчилль продолжал настаивать на необходимости отправки солдат в Россию. В секретной телеграмме премьер-министру от 3 февраля 1919 г. он писал: «Я получил меморандум от Начальника Имперского Генерального Штаба...о безопасности наших войск на севере России... Моя точка зрения заключается в следующем:... с момента отправки войск, и пока они находятся там, ответственность за их надлежащее техническое обслуживание, питание и поддержку лежит на Военном министерстве, и я обязан принять любые меры, которые одобряет военный совет, чтобы убедиться, что наши войска не подвергаются жестокому обращению и не разбиты... наши люди будут страдать без положенных железнодорожных подразделений, медицинского обслуживания, электриков... я прошу, чтобы решение правительства Великобритании против отправки большего количества людей в Россию было изменено...» [20, р. 507, 508].

В результате неоднократных и настойчивых обращений 5 февраля 1919 г. У. Черчилль, наконец, получил одобрение в телефонном сообщении Д. Ллойд Джорджа: «Я полагаю, что любые средства, необходимые, чтобы обеспечить здоровье, комфорт и питание войск в Северной России, нужно послать без задержки... и я думаю, что Вы должны немедленно сделать все необходимое, дабы улучшить условия тех, кто служит в Архангельске и Мурманске» [8, р. 515, 516].

Окончательных и позитивных для себя решений премьер-министра У. Черчилль добился не только умелым лавированием между противоположными взглядами членов кабинета министров относительно возможности открытой интервенции. Этому в немалой степени способствовало отсутствие Д. Ллойд Джорджа в Лондоне, а также нерешительность замещающего его Э. Бонара Лоу [3, с. 317].

Получив одобрение Д. Ллойд Джорджа, У. Черчилль выработал собственную тактику продвижения идеи активной интервенции. Задумка военного министра сводилась к тому, что в политических кругах Запада всячески раздувалась идея угрозы большевизма и рисовалась крайне печальная перспектива уничтожения британских военных сил в России. Чтобы не допустить подобного сценария развития событий, У. Черчилль, естественно, требовал усилить воинский контингент.

В качестве подтверждения серьезности устремлений У. Черчилля можно сослаться на протокол заседания военного кабинета от 12 февраля 1919 г., на котором присутствовал и вернувшийся из Парижа премьер-министр. В документе констатируется: «Военный министр сказал... Большевики становятся сильнее с каждым днем. На юге положение армии генерала Деникина значительно ухудшилось. Краснов был обескуражен, и считает, что союзники полностью бросили их. Ситуация в Сибири аналогична... Если мы собираемся вывести наши войска, то это должно быть сделано немедленно. Если мы собираемся продолжать интервенцию, то мы должны послать больше войск. Он считает, что мы должны продолжать интервенцию» [12, p. 521].

Д. Ллойд Джордж пытался противопоставить заявлению У. Черчилля простой аргумент: «...если мы собираемся действовать успешно, то нам необходимо, по крайней мере, миллион человек...» [Ibidem]. Однако, поддавшись аргументации военного министра, вынужден был согласиться с тем, что «...одно только оружие будет бесполезно, поэтому необходимо послать, помимо него, по крайней мере, 150000 человек» [Ibidem]. У. Черчилль, развивая мысль главы правительства, продолжил: «...Мы должны продолжать оказывать помощь антибольшевистским силам в России столько, сколько сможем...» [Ibidem]. Несмотря на, казалось бы, внешне единодушно достигнутое решение, заседание военного кабинета 12 февраля 1919 г. рассматривало и другой крайний вариант политики в отношении России – вовсе покинуть ее. Однако, как показывает текст протокола, ни Д. Ллойд Джордж, ни другие члены кабинета не торопились его утверждать.

Самой реальной политикой в отношении России Д. Ллойд Джорджу и поддерживающим его министрам виделась помощь антибольшевистским силам оружием, боеприпасами и другим военным снаряжением. Премьер-министра волновал вопрос, «сколько денег для этого понадобится и повлечет ли это отправку большего количества сил» [Ibidem]. В конце заседания 12 февраля 1919 г. глава правительства пожелал получить от военного кабинета документ, подробно рассматривающий последствия любого из возможных курсов политики в отношении России.

Выработка основной стратегии «русской политики» была назначена в кабинете министров на 13 февраля 1919 г. У. Черчилль представил обширный доклад о положении в России. В нем в качестве солирующей звучала мысль о необходимости продолжения активной интервенции.

Несмотря на то, что большинство членов кабинета склонялось к идее оказания исключительно военно-технической помощи, У. Черчилль и не думал отказываться от своих планов: «Если мы не способны эффективно поддержать русских, то будет намного лучше принять решение немедленно покинуть (*Россию* – А. П.) и наблюдать последствия этого... нежели оставить там наши войска и продолжать действовать без определенной политики...» [15, p. 521-525].

Таким образом, единое решение кабинета министров относительно дальнейшей политики Великобритании в отношении России в феврале 1919 г. зашло в тупик, поскольку прения между Д. Ллойд Джорджем и У. Черчиллем продолжались и могли продолжаться еще долго. Правящие круги Англии решили, что для выработки единой политической линии необходимо представить взгляды кабинета министров Великобритании на обсуждение Парижской мирной конференции. Для воплощения задачи требовалось послать представителя британского кабинета в Версаль: истории известно, что им был выбран У. Черчилль, как наиболее подходящая кандидатура для прояснения ситуации относительно России.

Список литературы

1. Бедарида Ф. Черчилль / пер. с фр. Е. Н. Юдиной. М.: Молодая гвардия, 2012. 264 с.
2. Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918-1922 гг.: монография. М.: Кучково поле, 2008. 512 с.
3. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах: в 2-х т. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. Т. 1 / под ред. В. Г. Трухановского. 656 с.
4. Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. Политическая биография. М.: Мысль, 1977. 466 с.
5. Черчилль У. Мировой кризис: 1918-1925 / пер с англ. Изд-е 5-е. М.: Либроком, 2010. 336 с.
6. Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919-20 гг.). М.: Госполитиздат, 1949. 464 с.
7. Churchill W. S. The Churchill Documents. Hillsdale: Hillsdale College Press, 2008. Vol. 8: War and Aftermath. December 1916 – June 1919.
8. David Lloyd George to Winston S. Churchill: Telephone Message. 5 February 1919 // Churchill W. S. Op. cit.
9. Kinvg C. Churchill's Crusade. The British Intervention in Russia 1918-1920. Cornwall: MPG Books Ltd, 2006. 373 p.
10. Sir Archibald Sinclair to Winston S. Churchill. 3 July 1918 // Churchill W. S. Op. cit. P. 336-337.
11. Sir Henry Wilson: Diary. 15 January 1919 // Churchill W. S. Op. cit.
12. Sir Henry Wilson: Diary. 12 February 1919 // Churchill W. S. Op. cit.
13. War Cabinet: Minutes. 6 September 1918 // Churchill W. S. Op. cit.
14. War Cabinet: Minutes. 28 January 1919 // Churchill W. S. Op. cit.
15. War Cabinet: Minutes. 12 February 1919 // Churchill W. S. Op. cit. P. 521-525.
16. Winston S. Churchill: Cabinet Memorandum. A NOTE ON THE WAR. 22 June 1918 // Churchill W. S. Op. cit. P. 328-334.
17. Winston S. Churchill: Departmental Minute. 29 January 1919 // Churchill W. S. Op. cit.
18. Winston S. Churchill: Memorandum. THE UNFINISHED TASK. 19 November 1918 // Churchill W. S. Op. cit. P. 417-421.
19. Winston S. Churchill to David Lloyd George. 27 January 1919 // Churchill W. S. Op. cit. P. 486-490.
20. Winston S. Churchill to David Lloyd George: Telegram. 3 February 1919 // Churchill W. S. Op. cit.
21. Winston S. Churchill to Sir George Ritchie: Draft Letter, Never Sent. 3 August 1918 // Churchill W. S. Op. cit. P. 363-366.

**WINSTON S. CHURCHILL'S POLICY IN RELATION TO RUSSIA IN 1918-1919:
PROMOTING IDEA OF ACTIVE SUPPORT OF ANTI-BOLSHEVIK FORCES AND INTERVENTION**

Pleshko Andrei Olegovich

*Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
pleshko.prod@gmail.com*

The article examines the foreign-policy views of W. Churchill in relation to Soviet Russia in 1918-1919; special attention is paid to the period of the beginning of the active intervention of the allied states. The author analyzes the role of the Rebellion of the Czechoslovak Corps in promoting by W. Churchill the policy of the support of anti-Bolshevik forces in Russia. The paper includes the author's original translation and the detailed chronological analysis of previously unpublished in Russia personal documents from W. Churchill's archive.

Key words and phrases: Winston S. Churchill; Russia; intervention; the Czechoslovak Corps; rebellion; "Army of Occupation".

УДК 37.014

Культурология

Данная статья посвящена анализу одной из новых форм этнокультурного образования, разработанной и успешно реализуемой в МарГУ. Цель работы – показать, что межрегиональный форум молодежи «Этническая культура в современном мире» не только дополняет и углубляет знания учащихся в области традиционной народной культуры, но и позволяет интегрировать в единое целое учебно-исследовательскую и творческую деятельность учащихся. На конкретных примерах доказано, что использование такой формы помогает активизировать эти виды деятельности и вовлечь в этнокультурное пространство более широкий круг учащихся разных учебных заведений.

Ключевые слова и фразы: традиционная народная культура; этнокультурное образование; этнокультурная компетентность; интеграция; форум молодежи.

Плотникова Екатерина Андреевна, к. филол. н.

*Марийский государственный университет
kati_miracle@mail.ru*

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОРУМ МОЛОДЕЖИ «ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ» КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В МАРИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ®**

Цель нашего исследования – показать, что наиболее эффективны среди современных форм этнокультурного образования такие, в которых в единое целое интегрируются учебно-исследовательская и творческая деятельность учащихся, которые помогают активизировать эти виды деятельности и вовлечь в этнокультурное пространство более широкий круг учащихся разных учебных заведений.

Как известно, именно это направление образовательного и воспитательного процесса сегодня – одно из важных. Не случайно во вступительном слове Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании Государственного совета, состоявшегося 26 декабря 2006 года, по вопросу «О государственной поддержке традиционной народной культуры в Российской Федерации» сказано, что «для нашей многонациональной страны разнообразие народного творчества, обрядов, обычаев, ремесел не только бесценное наследие. Это наше общенациональное преимущество. Ведь культура народов России выполняет в обществе ключевую объединяющую роль, способствует сближению и взаимопониманию между людьми, утверждению принципов согласия и толерантности» [6].

Именно поэтому система современного образования направлена на формирование этнокультурного образования и предполагает сохранение и возрождение культуры этноса. «От ориентации образования на этническую культуру как интегративный социальный и личностный феномен во многом зависит сохранение ценностей этнической культуры» [7, с. 72]. Важно отметить, что в Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России (2009) – методологической основе федерального государственного общеобразовательного стандарта – приведена система базовых национальных ценностей, которые раскрывают основное содержание духовно-нравственного развития, воспитания и социализации. Среди них значимое место занимает гражданственность и патриотизм, социальная солидарность и семья, природа и человечество, труд и творчество, наука и традиционные российские религии, искусство и литература [2, с. 18-19].

Само же этнокультурное образование, и здесь мы солидарны с Л. П. Карпушиной, опирается на такие базовые принципы как «этнокультурность, культуротворчество (Е. В. Бондаревская), природосообразность (Я. А. Коменский, М. В. Ломоносов, К. Д. Ушинский и др.), толерантность, диалог культур, связь образования с этнокультурной просветительской практикой и этнокультурной средой» [3, с. 303]. Эти принципы